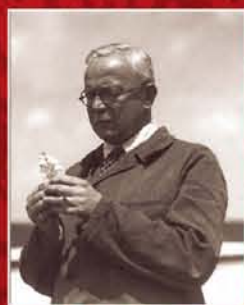

Э. И. КОЛЧИНСКИЙ

БИОЛОГИЯ ГЕРМАНИИ И

РОССИИ — СССР

В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XX ВЕКА

УДК 570(47+430)«19»
ББК 63.3(2)(4 Гем)6:28.0

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 05-03-16038д

Колчинский Э.И. Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006. 638 с.

Историко-сравнительный анализ институциональных, социально-культурных и политико-идеологических факторов развития биологии в России и Германии в конце XIX – первой половине XX в. Раскрыта динамика взаимодействия науки, власти и общества в ходе «пролетаризации», «аризации», «нацификации» и «милитаризации» биологии, изучены эволюция политики правящих элит по отношению к биологии, борьба внутри биологического сообщества, реакция различных групп ученых на создание «идеологически корректной биологии». Выявлена роль биологии в модернизации двух стран, в установлении и функционировании тоталитарных режимов, а также прослежены изменения ценностных ориентаций и традиций биологического сообщества, тематики и дискурса биологических исследований, их философских и идеолого-политических оснований. Результаты исследования способствуют выяснению механизмов самомобилизации, выживания, функционирования науки в условиях глобальных социально-политических и экономических кризисов. Книга предназначена для всех интересующихся социальной историей науки, а также для политиков, занятых проблемами национализма, шовинизма и ксенофобии.

Kolchinsky E.I. Biology in Germany and Russia–USSR under conditions of social-political crises of the first half of the XX century (between liberalism, communism and national-socialism). SPb.: Nestor-Historia, 2006. 638 p.

Historical-comparative analysis of institutional, social-cultural and political-ideological factors of development of biology in Russia and Germany at the end of the XIX – the first half of the XX centuries. The work reveals the dynamics of interaction of science, power and society in the course of «proletarization», «aryanization», «nazification» and «militarization» of biology, investigates the evolution of the policy of ruling elites against biology, the struggle inside biological community, the reaction of different groups of scientists to the creation of «ideologically correct biology». It clears up the role of biology in modernization of the two countries, setting and functioning of totalitarian regimes there, and also traces the changes of value systems and traditions of the biological community, subject-matter and discourse of biological research, their philosophical and ideological-political foundations. Results of the research contribute to clarifying mechanisms of self-mobilization, survival, functioning of science under conditions of global social-political and economic crises. The book is intended for everybody interested in the social history of science, as well as politicians concerned with the problems of nationalism, chauvinism and xenophobia.

Ответственный редактор *А.Н. Дмитриев*
Рецензенты *Ю.А. Виноградов, А.Б. Георгиевский*

ISBN 5-98187-172-5

9 785981 871726

© Э.И. Колчинский, 2006

© Издательство «Нестор-История», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Глава первая. Динамика биологии, власти, общества и идеологии в тоталитарных режимах	33
Биология между наукой и идеологией	34
Некоторые методологические основания исследования	48
Историко-сравнительный анализ: перспективы и итоги	59
Основные периоды в диалектизации биологии в СССР	67
Основные периоды в аризации и нацификации биологии в Германии	70
Глава вторая. Биология Германии и России накануне революционных потрясений	75
Русско-немецкие связи в биологии	76
Имперская наука в Германии	79
<i>Становление и расцвет науки в Германской империи .....</i>	<i>79</i>
<i>Наука и Первая мировая война .....</i>	<i>89</i>
Роль немецкой биологии в зарождении имперского национализма	95
<i>Холизм и концепции социального организма .....</i>	<i>96</i>
<i>Эволюция и социал-дарвинизм .....</i>	<i>101</i>
<i>Формирование представлений о расовом многообразии человека и немецкий национализм .....</i>	<i>109</i>
<i>Эволюционная антропология и формирование расологии .....</i>	<i>116</i>
<i>От расологии к евгенике и медицинской расовой гигиене .....</i>	<i>136</i>
<i>Расовые утопии .....</i>	<i>156</i>
Российские ученые в поисках путей переустройства общества	159
Российская биология между наукой и политикой	174
<i>«Борьба за существование» и политическая борьба .....</i>	<i>176</i>
<i>Психофизиологическая проблема и политика .....</i>	<i>184</i>
<i>Существовала ли «русская расовая теория»? .....</i>	<i>193</i>
<i>Биология и практика .....</i>	<i>228</i>
Глава третья. Начало диалектизации и нацификации биологии	232
Наука и глобальный послевоенный кризис	232
Борьба за выживание, или «союз науки и труда»: неравный брак по расчету	245
<i>От сопротивления к сотрудничеству и приспособлению .....</i>	<i>245</i>
<i>Начало советизации науки .....</i>	<i>257</i>
На подступах к пролетарской биологии	262
Биология и марксизм	273
<i>Дарвинизм и марксизм .....</i>	<i>273</i>
<i>Генетика и марксизм .....</i>	<i>284</i>
<i>Евгеника и антропотехника .....</i>	<i>287</i>
<i>Психология и поведение человека в свете марксизма .....</i>	<i>292</i>

<i>От охраны природы к ее преобразованию</i>	298
Наука в Веймарской Германии	300
Биология и Веймарская республика	316
<i>Эволюционная теория в кризисе</i>	320
<i>Генетика, евгеника и практика</i>	333
<i>Евгеника или расовая гигиена: научная или политическая дилемма?</i>	337
<i>«Этапная книга трех мужчин»</i>	341
<i>Институционализация евгеники</i>	347
<i>Национал-социализм и проблема политического выбора</i>	353
<i>Антропология: между наукой и расологией</i>	361
Глава четвертая. Биология между коммунизмом, национал-социализмом и либерализмом	375
Модели взаимодействия науки и власти (1929–1945)	375
«Культурная революция» и советизация биологии	384
Сталинская наука и биология	390
<i>Сталинская наука</i>	390
<i>Советизация биологии</i>	400
<i>Конец евгеники и медицинской генетики</i>	409
<i>Классическая генетика и лысенкоизм</i>	413
<i>СТЭ и советский творческий дарвинизм</i>	419
<i>Последний «форпост» свободы: экология и охрана окружающей среды</i> ..	422
<i>Вторая мировая война и советская биология</i>	428
Биология при национал-социализме	431
<i>Наука и национал-социализм</i>	431
<i>Национал-социализм — «прикладная биология»</i>	455
<i>Национал-социалистические научные учреждения, общества и журналы</i>	471
<i>«Немецкая биология»: «большие Гёте — меньше Ньютона»</i>	486
<i>Расовая антропология</i>	494
<i>Генетика, селекция и евгеника</i>	513
<i>Наука без границ: отрицательная селекция, стерилизация и опыты на людях</i>	526
<i>Национал-социалистическая биология в практике: эвтаназия и геноцид</i>	538
<i>Позитивная селекция: «Источник жизни»</i>	556
<i>Национал-социалистическая биомедицина и здравоохранение</i>	560
<i>Эволюционная теория и национал-социализм</i>	566
Заключение	586
Список сокращений	597
Список иллюстраций	600
Именной указатель	604

CONTENTS

Preface	9
Chapter 1. The dynamics of biology, power, society and ideology under totalitarian regimes	33
Biology between science and ideology	34
Some methodological principles of the research	48
Historical-comparative analysis: prospects and totals	59
Main periods of dialectisation of biology in the USSR	67
Main periods of arisation and nazification of biology in Germany	70
Chapter 2. Biology in Germany and Russia on the eve of the revolutionary upheavals	75
Russian-German links in biology	76
Imperial science in Germany	79
<i>The formation and the Golden age in the German Empire science .....</i>	<i>79</i>
<i>Science and the World War I .....</i>	<i>89</i>
The role of German biology in the rise of imperial nationalism	95
<i>Holism and the concepts of social organism .....</i>	<i>96</i>
<i>Evolution and Social Darwinism .....</i>	<i>101</i>
<i>The development of ideas of racial diversity of man and German nationalism .....</i>	<i>109</i>
<i>Evolutionary anthropology and the forming of race studies .....</i>	<i>116</i>
<i>From race studies to eugenics and medical racial hygiene .....</i>	<i>136</i>
<i>Racial utopias .....</i>	<i>156</i>
Russian scientists in search of the ways to reorganise society	159
Russian biology between science and politics	174
<i>“Struggle for existence” and political struggle .....</i>	<i>176</i>
<i>Psychophysiological problem and politics .....</i>	<i>184</i>
<i>Whether the “Russian racial theory” existed? .....</i>	<i>193</i>
<i>Biology and practice .....</i>	<i>228</i>
Chapter 3. The beginning of dialectisation and nazification of biology	232
Science and the global post-war crisis	232
Struggle for existence, or “the alliance of science and labour”: a marriage of convenience without equal rights	245
<i>From opposition to co-operation and adaptation .....</i>	<i>245</i>
<i>The beginning of sovietisation of science .....</i>	<i>257</i>
Coming up to proletarian biology	262
Biology and Marxism	273

<i>Darwinism and Marxism</i>	273
<i>Genetics and Marxism</i>	284
<i>Eugenics and anthropotechnique</i>	287
<i>Psychology and behaviour of man from the standpoint of Marxism</i>	292
<i>From conservation to transformation of nature</i>	298
Science in Weimar Germany	300
Biology and Weimar Republic	316
<i>The evolutionary theory in crisis</i>	320
<i>Genetics, eugenics and practise</i>	333
<i>Eugenics or racial hygiene: scientific or political dilemma?</i>	337
<i>“A staging book by three Men”</i>	341
<i>Institutionalisation of eugenics</i>	347
<i>Nacional Socialism and the problem of political choice</i>	353
<i>Antropology: between science and race studies</i>	361
Chapter 4. Biology between Communism, Nazism and Liberalism	375
The models of science and power interaction (1929–1945)	375
“Cultural revolution” and sovietisation of biology	384
Stalinist science and biology	390
<i>Stalinist science</i>	390
<i>Sovietisation of biology</i>	400
<i>The end of eugenics and medical genetics</i>	409
<i>Classic genetics and Lysenkoism</i>	413
<i>STE and Soviet “creative Darwinism”</i>	419
<i>The last “outpost” of freedom: ecology and nature conservation</i>	422
<i>World War II and soviet biology</i>	428
Biology under national-socialism	431
<i>Science and national-socialism</i>	431
<i>National-socialism as biology in practice</i>	455
<i>National-socialist scientific institutions, associations and journals</i>	471
<i>“German biology”: “more Goethe — less Newton”</i>	486
<i>Racial anthropology</i>	494
<i>Genetics, selection and eugenics</i>	513
<i>Science without limits: negative selection, sterilization</i> <i>and experiment on man</i>	526
<i>National-socialist biology in practice: euthanasia and genocide</i>	538
<i>Positive selection: “Source of life”</i>	556
<i>National-socialist biomedicine and public health service</i>	560
<i>The theory of evolution and national-socialism</i>	566
Conclusion	586
List of abbreviations	597
List of illustrations	600
Index of names	604

**ДИНАМИКА БИОЛОГИИ, ВЛАСТИ,
ОБЩЕСТВА И ИДЕОЛОГИИ
В ТОТАЛИТАРНЫХ РЕЖИМАХ**

Историко-сравнительный анализ крупных социально-политических и экономических потрясений, от Английской революции XVII в. до «культурной революции» в Китае, включая Французскую революцию, события в Советской России, Веймарской и нацистской Германии, США во времена «великой депрессии» и маккартизма, милитаристской Японии, показал, что наука страдала в этих условиях одной из первых¹. Нередко именно в ней видели причину кризиса или орудие его преодоления. Когда государство и общество зажаты в тисках экономических, социально-политических и идеологических кризисов, идет болезненный пересмотр и переоценка сложившихся норм и правил взаимодействия науки и государства, ведущая к выработке хотя бы временных схем этих отношений, удовлетворяющих все стороны. Власти, неудовлетворенные докризисными формами взаимодействия с учеными, стремились заставить исследователей работать над нужными им проблемами, требуя «идеологически корректной» науки, в которой открыто признавалась бы верность власти, ее политике, идеологии и философии². Пересмотр взаимодействия науки, общества и власти завершали выработкой новых конфигураций их отношений, форм организации науки, изменением общественного статуса ученых, модификацией тематики и языка научных исследований, ритуалов научных мероприятий, традиций и этики научного сообщества. Новые формы не всегда оказывались долговечными. В условиях неустойчивости обострялась конкуренция внутри научного сообщества; борьба идей приобретала идеологический и политический оттенок; разрешение внутринаучных конфликтов шло с привлечением властных структур, что всегда было чревато новыми кризисами.

В период между двумя мировыми войнами, по крайней мере, три ведущие страны пережили тяжелейший кризис: революционная Россия прошла из пламени гражданской войны в горнило ускоренной индустриализации и коллективизации; Германия испытала все тяжести поражения в войне, не справилась с политической демократией и выбрала диктатуру национал-социализма; США пережили «Великую депрессию». И в Веймарской республике, и в США предлагали «объявить науке выходной» и наложить мораторий на исследования. Иначе было в Советской

¹ Александров Д.А., Колчинский Э.И. Наука и кризисы XX века: Россия, Германия и США между двумя мировыми войнами // Наука и безопасность России: историко-научные, методологические, историко-технические аспекты / Отв. ред. А.Г. Назаров. М., 2000. С. 288–325.

² Gordin M., Grunden W., Walker M., Zuoyue Wang. “Ideologically correct” science // Science and Ideology. A Comparative History / Ed. M. Walker. London; New York, 2003. P. 35–65.

России и нацистской Германии, где часть научного сообщества пыталась убедить власти, что будущее зависит от особых наук: «пролетарской» или «арийской». Эта тенденция сильно проявилась в биологии.

«Пролетарская», «диалектическая» биология в России и расовая биология в Германии — примеры попыток диалога науки и власти на базе общей идеологии. Чрезмерная восприимчивость биологии к идеологическим и политическим влияниям породила множество мифов о «мягко» и «жестко» идеологизированных науках, о «героях и злодеях науки», о биологах-«жертвах», «пособниках» и «инициаторах» преступлений режима, о биологах «под Гитлером», «при Гитлере», «с Гитлером» и т. д. Остается неясным, почему биологи, в том числе и первоклассные, охотно шли на сотрудничество с властью, участвуя в псевдонаучных проектах.

Обширный архивный и литературный материал, многочисленные беседы и интервью с активными участниками «диалектизации» биологии позволяют интерпретировать поиски «союза» биологии с официальной философией, характерные для СССР 1920-х — начала 1930-х гг., а также для Веймарской и нацистской Германии, как один из способов облегчить диалог ученых с властями в периоды кризисов. Биологи обеих стран знали, сколь опасна выжидательная позиция. Они активно занимались научной политикой: выступали с проектами и предложениями, боролись за свой статус, вели переговоры, шли на компромиссы, совершали сделки, обзаводились патронами среди политической элиты, используя их для решения организационных и финансово-административных вопросов. При этом идеология тоталитаризма и обслуживающая его философия, а порою и отдельные отрасли науки выполняли роль политической религии³. Вместе с тем поиски «союзов» биологии и философии в Германии и СССР протекали в различных социально-культурных контекстах.

Биология между наукой и идеологией

Из естественных наук биология в наибольшей степени испытала воздействие жесткого административно-государственного управления и оказалась восприимчивой к различным политическим и идеологическим влияниям. Расовая гигиена⁴ и расовая антропология в Германии и мичуринская биология в СССР показали, как ради политических целей отдельные фрагменты научного знания идеологизировали и возводили в ранг веры, что, в конечном счете, превращало науку в её противоположность. Стремление понять механизмы подобного превращения и мотивы поведения ученых в этот период породило обширную литературу о биологии в нацистской Германии⁵ и сталинском Советском

³ “Totalitarismus” und “Politische Religionen”. Konzepte des Diktaturvergleichs / Hg. H. Maier. Paderborn u. a. 1996; Duskurse und Entwicklungspfade. Der Gesellschaftsvergleich in den Geschichts- und Sozialwissenschaften. Frankfurt am Main; New York, 1999; Fritze L. Täter mit gutem Gewissen. Über menschliches Versagen im diktatorischen Sozialismus. Köln; Weimar, 1998.

⁴ Несмотря на близость многих исходных положений расовой гигиены и евгеники, принято различать их, считая последнюю ненационалистической, нерасовой, нацеленной преимущественно на позитивную селекцию, подчеркивавшей добровольность стерилизации, отрицавшей умерщвление носителей патологических заболеваний и отдающей приоритет воспитательно-просветительской работе, а также социальным реформам.

⁵ См. сноски 18–20 в предисловии.

Союзе⁶, где анализируются взаимоотношения между наукой, идеологией и властью в условиях идеологического и политического господства партийной номенклатуры, осуществлявшей непрерывный контроль за всеми сторонами жизни общества, каждым её членом, и проводящей массовые репрессии. При этом нередко забывают, что эти взаимоотношения эволюционировали, и степень свободы отдельных ученых и отраслей знания зависела в значительной мере от государственной значимости проводимых исследований. Для успеха сравнительных исследований науки в сталинском СССР и гитлеровской Германии важно выявить исходные социально-культурные и политические условия, в которых начиналось развитие российской биологии в послереволюционный период. Иначе трудно понять, почему, в отличие от Германии, где национал-социалисты быстро установили жесткую дисциплину и подчинили науку политико-административному контролю, в СССР потребовалось более трех десятилетий для установления, и то лишь на несколько лет, господства «мичуринской биологии».

При анализе взаимоотношений между биологией, идеологией и властью авторы, как правило, основное внимание уделяли деятельности Т.Д. Лысенко и её связи с общей партийно-государственной политикой, обусловившей подъем лысенкоизма и его процветание. События обычно освещали с позиций одной из групп участников дискуссий тех лет, деля их на абсолютно правых и безусловно виноватых. Биологическое сообщество представляли жертвой лысенковщины, порожденной сталинским режимом⁷. Попытки некоторых авторов возложить часть вины за

⁶ *Joravsky D.* Soviet Marxism 1917–1932. New Haven, 1961; *Graham L.* Science and Philosophy in the Soviet Union. New York, 1966; Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Л., 1991. Т. 1; СПб., 1993. Т. 2; *Сойфер В.Н.* Власть и наука. М., 1993; *Weiner D.* Models of Nature: Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. Bloomington, 1988; *Löther R.* Lyssenkoismus contra Genetik // Biol. Zentralbl. 1996. Bd. 115. S. 171–176; На переломе: Советская биология в 20-х — 30-х годах. Вып. 1 / Ред. Э.И. Колчинский. СПб., 1997; *Weiner D.* Little Corner of Freedom. Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkley; Los Angeles; London, 1999; *Колчинский Э.И.* В поисках советского «союза» философии и биологии. Дискуссии и репрессии 20-х — начала 30-х гг. СПб., 1999; *Ноздрачёв А.Д., Поляков Е.Л., Зеленин К.Н. и др.* И.П. Павлов. Первый Нобелевский лауреат России. СПб., 2004. Т. 1–3; И.П. Павлов. Достоверность и полнота биографии / Сост. Ю.А. Виноградов, Ю.П. Голиков, Т.И. Грекова. СПб., 2005; На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX вв. Вып. 3: Источники, исследования, историография / Ред. Э.И. Колчинский, М.Б. Конашев // Нестор. № 9. СПб., 2005; и др.

⁷ *Гайсинович А.Е.* У истоков советской генетики. I. Борьба с ламаркизмом: 1922–1927 гг. // Генетика. 1968. Vol. 4. № 6. С. 158–175; *Gaissinovich A.E.* Origin of Soviet Genetics and the Struggle with Lamarkism // J. Hist. Biol. 80. № 13. P. 1–51; *Гайсинович А.Е.* Зарождение и развитие генетики. М., 1988; *Резник С. Н.И.* Вавилов. М., 1968; *Фролов И. Т.* Генетика и диалектика. М., 1968; *Medvedev Zh.* The Rise and Fall of T.D. Lysenko. New York; London, 1969; *Joravsky D.* The Lysenko Affair. Cambridge (Mass.), 1970; *Бляхер Л.Я.* Проблема наследования приобретенных признаков. М., 1971; *Lecourt D.* Proletarian science? The case of Lysenko. London, 1977; *Александров В.Я.* Трудные годы советской биологии. Записки современника. СПб., 1993; *Филатов В.П.* Об истоках лысенковской «агробиологии» (опыт социально-философского анализа) // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 3–23; Страницы истории советской генетики в литературе последних лет // ВИЕТ. 1987. № 4. С. 115–125; 1988. № 1. 121–132; *Soyfer V.* Lysenko and the Tragedy of Soviet Science. New Brunswick, 1992; *Левина Е.С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... Биология в СССР: история и историография. М., 1995; и мн. др.

лысенкоизм и на самих ученых⁸, как правило, с негодованием отвергали⁹. Правда, доминировавшая в отечественной литературе апологетика сотрудничества ученых с советской властью сменилась поиском только негативных его последствий¹⁰. Но история науки — не лучшее место для нравоучительных жизнеописаний в духе Плу-тарха. Даже хрестоматийные примеры свидетельствуют, что этичность ученого определяется его верностью ценностям и нормам самой науки. Тем более нельзя о прошлых событиях судить по мифам перестроечной публицистики. Важнее понять причины сотрудничества ученых со сталинским и гитлеровским режимами.

Многие ученые, пережившие ужасы Первой мировой и гражданской войн, смерть близких от холода, голода, погромов и расстрелов, инфляцию, массовую безработицу, позор Брест-Литовского и Версальского мирных договоров, были деморализованы, что сказывалось на их отношениях с властями. Исследователи были разочарованы идеями монархизма и либеральной демократии, приверженцы которых привели к краху и междоусобной войне великую Россию, к перманентному состоянию политико-экономического и социального кризиса Германию и поставили под угрозу существование двух великих государств. Но не только это толкало их на сотрудничество с большевиками или нацистами. У них появился шанс использовать мощные государственные ресурсы для реализации своих научных планов и притязаний на активное участие в разработке и принятии правительственных программ. И они были искренне уверены, что только прогресс науки обеспечит будущее процветание их стран.

Причины лысенкоизма как общественно-политического явления в науке XX в. не сводятся лишь к пристрастиям и вкусам руководителей советского государства. Подобное объяснение неприменимо и к арийской биологии в Германии. В трагических событиях истории двух стран сталкивались противоречивые тенденции, в которых нашли выражение интересы весьма неоднородных социальных групп с разным уровнем образования, нравственного сознания и с разным представлением о гражданском долге. Шел непрерывный процесс разрушения правящих элит во всех слоях общества. Торжествующие победители в политике, экономике, культуре, науке вскоре сами становились гонимыми, подвергаясь зачастую жестоким репрессиям. Неизбежная деформация общественного сознания в условиях жесточайшего социально-политического и экономического кризиса наложила прямой или опосредованный отпечаток на многие события последующих десятилетий и на тех, кто в них участвовал. Легенда о людях в «белых одеждах» мало соответствует открываемой историками картине постоянно инспирируемых дискуссий, многочисленных кампаний разоблачений, чисток и репрессий 1920-х — 1940-х гг.

Для создания более или менее объективной реконструкции важно исследовать разные аспекты социально-политических и нравственно-психологических составляющих борьбы идей в науке, проходившей в условиях бюрократической

⁸ Дубинин Н. П. Вечное движение. М., 1973; Берг Р. Л. Суховой. Воспоминания генетика. Нью-Йорк, 1983. Поповский М. Дело академика Вавилова. Нью-Йорк, Эрмитаж, 1986.

⁹ Левина Е. С. Трагедия Н. И. Вавилова // Репрессированная наука. Л., 1991. Вып. 1. С. 223–239; Лебедев Д. В. Помогают ли опыты на простейших понять трагические события в отечественной биологии // На переломе. СПб., 1997. Вып. 1. С. 165–170.

¹⁰ Сорокина М. Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 248–255.

регламентации научной жизни, административной системы управления наукой, гитлеровского вождизма, сталинских репрессий и волюнтаризма Н.С. Хрущева. Однако сами эти феномены исследованы еще слабо, не ясны причины, породившие и питавшие их. До сих пор в архивах лежат документы, способные пролить свет на будто бы внешние по отношению к науке события, которые были важными факторами происходивших изменений в научном сообществе, сыграв роль пусковых механизмов свершившихся трагедий. Объективная реконструкция недавних событий затруднена тем, что они не только сохраняются в памяти их участников, но и вызывают эмоциональное отношение у историков науки, которые еще недавно не имели возможности рассказать обо всех перипетиях отечественной истории. В истории науки Нового времени трудно найти примеры столь грандиозных попыток идеологизировать и политизировать научные исследования, как это было в Германии и в СССР в 1930-х — начале 1950-х гг.

Объектом данного исследования выбраны те отрасли биологии, которые оказались в центре бушевавших тогда дискуссий, и их использование в идеологии и политике. Именно в биологии была предпринята всеобъемлющая попытка создания некоей особой пролетарской науки, методологической основой которой провозглашали философию диалектического материализма. В Германии методологической основой подобного «союза» объявили мировоззрение «почвы и крови»¹¹.

В исследованиях взаимодействия биологии и власти в СССР долгое время основное внимание уделяли дискуссиям вокруг генетики или же борьбе «механицистов» со сторонниками «меньшевистствующего идеализма». В СССР авторы этих работ, как правило, старались найти положительные моменты в становлении «союза» диалектического материализма и биологии в 1920-х — начале 1930-х гг.¹² Исключение до недавнего времени представляли лишь изданные за рубежом работы И. Яхота¹³, но и здесь автор скорее скорбел об участии философов-марксистов тех лет, чем пытался оценить реальный результат их деятельности.

Не могут удовлетворить и умножившиеся в последние годы попытки вести анализ социально-политических и идеологических факторов в отрыве от реальных проблем науки, бывших предметом дискуссий. Броские определения типа «сталинская наука», «нацистская наука», произносимые порой с иронией или даже издевкой, не могут скрыть тот факт, что и в либеральных англоязычных странах, и в гитлеровской

---

¹¹ Фактически в Третьем рейхе философия была упразднена, значительную часть философов изгнали из университетов, а от остальных потребовали верности национал-социалистическому мировоззрению с его идеями почвенничества, тотальности, холизма, биологизма, принципа фюрерства, единства науки и политики, милитаризма и т. д. Философия для нацистов была элитарным теоретизированием, чуждым реальности: *Leske M. Philosophen im "Dritten Reich". Studie zu Hochschul- und Philosophiebetrieb im faschistischen Deutschland.* Berlin, 1989. S. 65–90; *Dahms H.-J. Philosophie // Die Rolle der Geisteswissenschaften im Dritten Reich 1933–1936 /* Hg. F.-R. Hausmann. München, 2002. S. 193–228.

¹² *Алексеев П.В.* Марксистско-ленинская философия и медицина в СССР. М., 1970; *Ксенофонтов В.И.* Диалектический материализм и научное познание. Л., 1981; *Ильин А.Я., Мамзин А.С., Капралова Т.И.* Биология // История философии в СССР. М., 1985. Т. 5. Кн. 1; *Галл Я.М., Колчинский Э.И.* Общая характеристика развития эволюционной теории в СССР // Развитие эволюционной теории в СССР. Л., 1983. С. 62–78; *Георгиевский А.Б., Колчинский Э.И.* Дарвинизм и диалектический материализм // Философские науки. 1985. № 1. С. 36–43; и др.

¹³ *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы). Нью-Йорк, 1988.

Германии, и в сталинском СССР наука, в конечном счете, была одна и та же. Например, принципиальные идеи основополагающих книг по синтетической теории эволюции, написанные в Англии Дж.С. Хаксли, в США Ф.Г. Добржанским, Э. Майром и Дж. Симпсоном, в Германии Г. Геберером, Б. Реншем, В. Циммерманом, Н.В. Тимофеевым-Ресовским, В. Людвигом, в СССР Г.Ф. Гаузе, Н.П. Дубининым и И.И. Шмальгаузенном, были одинаковыми, хотя мировоззренческие и идеологические постулаты провозглашались совершенно разные. Самый рьяный сторонник приоритета социальных факторов в развитии науки вряд ли может дать вразумительный ответ на вопрос, почему даже столь идеологизированная наука, как эволюционная теория, развивалась сходно в самых различных социально-культурных условиях и, по сути дела, давала сходный набор конкурирующих концепций: неокатастрофистские концепции О. Шиндевольфа в Германии и Д.Н. Соболева в СССР; номогенез Л.С. Берга в СССР и Д. Розы в Италии и т. д. Все это побуждает к дальнейшему, более комплексному исследованию истории биологии в сталинском СССР и национал-социалистической Германии, которая уже несколько десятилетий привлекает внимание историков науки. Но если на Западе подобные исследования ведутся десятки лет с использованием огромного массива архивных материалов, то в России и Восточной Европе к ним смогли обратиться только в последние пятнадцать лет. Открытие архивов позволило только с 1989 г. начать исследования сложного и противоречивого процесса «советизации» науки.

Ввиду многомерности феномена «советизация» существуют различные направления в изучении его когнитивных, социально-психологических, социально-антропологических, идеолого-политических, экономических, институциональных, семантических, семиотических и символических аспектов. Долгое время для его описания использовали два цвета: белый и черный. Символом подобного подхода стал один из бестселлеров перестройки — роман В.Д. Дудинцева «Белые одежды» (1987). Открывшиеся архивы способствовали разрушению многих мифов о бескорыстных искателях истины в белых одеждах, что породило стремление изображать всех участников тех трагических событий, символом которых стал разгром генетики и торжество лысенкоистов, в серых тонах. Эта тенденция проявилась в книгах Н.Л. Кременцова «Сталинская наука», М. Давид-Фокс «Революция в умах» и др.¹⁴ Более того, порою всю историю отечественной науки принялись описывать исключительно в черных тонах¹⁵. В то же время все чаще появляются работы, в которых дан многоаспектный, не ангажированный анализ советской науки¹⁶.

¹⁴ *Krementsov N. The Stalinist Science. Princeton, 1997; David-Fox M. Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca; London, 1997; Academia in Upheaval. Origins, Transfers and Transformations of the Communist Academic Regime in Russia and East Central Europe / Ed. M. David-Fox, G. Péteri. Westport; London, 2000.*

¹⁵ *Романовский С.И. Наука под гнетом российской истории. СПб., 1999; Романовский С.И. «Притащенная» наука. СПб., 2004; Салахутдинов Г. Блеск и нищета К.Э. Циолковского. М., 2000.*

¹⁶ *Weiner D. A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkley; Los Angeles; London, 1999; Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler / Hg. D. Beyrau. Göttingen, 2000; Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak. Hystory of Soviet Cybernetics. Cambridge (Mass.), 2002; За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки / Отв. ред. М. Хайнеман, Э.И. Колчинский. СПб., 2002; Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. Исторические очерки / Отв. ред. Ж.И. Алфёров. СПб., 2003. Профессиональный историко-научный стиль*

На мой взгляд, дальтони́зм при описании процессов «советизации» науки столь же мифологичен, как и недавно господствовавшая легенда о «героях и злодеях российской науки». Его обычно декларируют как объективный анализ, призванный преодолеть якобы насквозь идеологизированную и политизированную прежнюю советскую историографию науки. Приводится также аргумент, что ранее историк науки главным образом ориентировался на научные сообщества не гуманитариев, не историков, а на представителей математики, физики, химии, геологии и т. д. и старался как-то приукрасить историю той или иной науки, чтобы заслужить одобрение их представителей. Указывается также, что в историю науки в советское время шли специалисты в области физики, математики, химии и т. д., потерпевшие фиаско в своих областях и вынужденные строить карьеру в других, используя при этом базовое образование.

Если следовать подобной логике, то любую смену сферы деятельности нужно рассматривать как проявление отсутствия таланта в выбранной специальности. Как известно, ни в СССР, ни в России историков науки не готовили в высших учебных заведениях, и все современные специалисты в этой области знания, включая и сторонников данной точки зрения, были раньше микробиологами, зоологами, физиологами, психиатрами, биохимиками, физиками и т. д. Им, конечно, лучше знать, почему и от чего они пришли в историю науки, возможно, действительно убедившись в ошибке на старте жизненного пути, что было естественным для многих, в том числе иногда и настоящих ученых, а может, испугавшись тяжести конкуренции и большей объективности оценок результатов в области естественных наук. Но сама по себе мобильность в науке, если она не сопровождается дилетантизмом и конъюнктурщиной, не раз доказывала свою эффективность, в том числе и в области естественных наук. Не случайно многие, если не большинство признанных историков и методологов науки, от Б. Рассела и Дж. Бернала до Т. Куна, М.Т. Гизелена, И. Лакатоса, Э. Майра и др., в историю науки пришли после того, как сделали имя в соответствующих отраслях знания, воспитав после этого уже чистых историков науки, для которых, увы, отсутствие навыков исследовательской работы в физике, математике, биологии не способствовало улучшению качества их исторических исследований. То же характерно и для советских историков науки. В частности, классики советской истории биологии — Б.Е. Райков, Л.Я. Бляхер, А.Е. Гайсинович, И.И. Канаев, К.М. Завадский и мн. др. — не только ни потерпели неудачу в биологии, но и пользовались громадным авторитетом среди элиты мирового научного сообщества. Немалое значение имела и их нравственная позиция в борьбе с лысенковщиной, за которую некоторые из них поплатились прерванными карьерами, годами безработицы и даже заключений.

Аргумент о большей объективности историка по сравнению с математиком, физиком, химиком и др. кажется вообще странным. Ведь во все времена и при всех правителях история всегда была наиболее ангажированной даже среди гуманитарных наук. Да и сейчас многие из историков легко меняют свои исследовательские установки. В естественных науках, где ученый отвечает своей репутацией

демонстрируют в своих трудах и многие российские историки науки, становление которых пришлось или на годы перестройки, или уже существования Российской Федерации как независимого государства (А.Ф. Андреев, Н.Е. Берегой, О.Ю. Елина, А.И. Ермолаев, Л.Я. Жмудь, А.В. Куприянов, Ю.А. Лайус, К.О. Россиянов, Г.А. Савина, А.А. Федотова, С.И. Фокин, Р.А. Фандо и мн. др.).

перед научным сообществом, столь ярко выраженный адаптационный синдром в принципе невозможен, хотя примеры конъюнктурищины и приспособляемости там тоже нередки. Представители естествознания, пришедшие в историю науки в 1950–1960-х гг., часто после десятилетий репрессий и гонений, в СССР 1970–1980 гг., как правило, стремились к максимальной отстраненности от политико-ангажированных позиций. Не случайно крупнейший биолог XX века Э. Майр одну из своих последних статей посвятил «памяти крупного мыслителя и педагога К.М. Завадского»¹⁷. В ней он выражал благодарность Завадскому за то, что благодаря ему смог лучше понять методологические установки собственных работ. Конечно, были историки науки и техники, которые буквально в последние годы советской власти писали о партийности в исследованиях истории науки и техники, обосновывая свои выводы решениями партийных съездов и трудами классиков марксизма. Но как раз многие из них стали самыми яркими обличителями советской историографии науки¹⁸.

Однако вопрос даже не в том, кто больше и кто меньше политически и идеологически ангажирован в своих научных трудах, кто и чем занимался до перестройки, кто и от кого получал деньги, кто, когда и за сколько менял свои убеждения. Оставим эти темы для средств массовой информации. Многолетний опыт общения с рядом выдающихся деятелей советской биологии, которые сыграли огромную роль в борьбе с лысенковщиной и преодолении ее последствий, убедил меня в том, что среди них было немало бескорыстных искателей истины. При этом все они были яркими личностями, непохожими друг на друга, каждый имел собственную мотивацию и стратегию поведения, которые нередко менялись не столько от социально-культурного контекста, сколько от эволюции научных взглядов.

Всякое историко-научное исследование предполагает изучение огромного комплекса источников: архивных, литературных, устных и т. д., на базе которых строятся более или менее обоснованные реконструкции и делаются выводы. В последние годы стали доступны многие партийные и государственные архивы, в том числе ЦК ВКП(б) и НКВД и т. д., которые позволяют лучше понять многие пусковые механизмы в трагической истории советской науки. Но смотреть на науку только через документы Отдела науки и агитации или протоколы допросов арестованных ученых, на наш взгляд, дело бесперспективное. Отдел науки ЦК, по сути дела, в то время не занимался самой наукой, а преимущественно конфликтами между учеными, характерными для любого научного сообщества, но приобретающими политическое значение в условиях тоталитарного режима. Многие ученые для сохранения или укрепления своих позиций, защиты или расправы с конкурентами, поиска денег и т. д. действительно апеллировали в партийные органы за поддержкой, но не это составляло суть их научной деятельности. О достоверности протоколов допросов вряд ли стоит вообще говорить¹⁹.

¹⁷ Майр Э. Корни диалектического материализма // Природа. 2004. № 9. С. 73.

¹⁸ Салахутдинов Г.А. Принцип партийности в исследованиях по истории техники // Методологические проблемы истории техники и научно-технической революции. М., 1988. С. 19–29; Салахутдинов Г.А. Мифы о творчестве К.Э. Циолковского. М., 2000; Салахутдинов Г.А. История космонавтики или мифотворчество // Инженер. 2000. № 6. С. 20–21.

¹⁹ В этом отношении показательны даже материалы допросов арестованных по «Академическому делу», когда, по крайней мере, к основным участникам не применяли мер физического давления. Что правда, а что ложь в протоколах, выяснить невозможно: Академическое дело. 1928–1931 гг. Вып. 1. Ч. 1–2; Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова / Отв. ред. В.П. Леонов. СПб., 1993. Вып. 2. Ч. 1–2; Дело по обвинению академика Е.В. Тарле / Отв. ред. В.П. Леонов. СПб., 1998.

В так называемой «объективистской истории» науки отсутствует сама наука как специфическая практика, направленная, при всей ее противоречивости и многогранности, в конечном счете, все же на приобретение нового знания. Обычно подлинный успех приходит только к талантливому, целеустремленному и удачливому человеку, преданному своему делу. Примеров этого в советской истории можно найти немало. В противном случае СССР не смог бы конкурировать с США в области военной технологии и освоении космоса. Изображение всех советских ученых как занимавшихся научной практикой только ради финансирования, поиска патронажа среди власть предержащих, выстраивания социальных сетей, создания собственных школ как мафиозных группировок, построения «научных империй» и т. д. оставляет без ответа главные вопросы: «Для чего они это делали?», «Что они сделали?», «Как они это сделали?», «Почему у них были столь различные результаты?» и «Насколько их результаты соответствовали уровню мировой науки?». Без ответа на эти вопросы история науки теряет всякий смысл, как бессмысленна военная история без сражений, история литературы без художественных сочинений и т. д. В итоге мы имеем не столько нейтралистский анализ или объективистскую картину прошлого, сколько субъективный мир автора, конструировавшего всех своих героев от Н.И. Вавилова до Т.Д. Лысенко, от П.Л. Капицы до А.А. Максимова, от И.В. Сталина до Р.Я. Дозорцевой по своему образу и подобию²⁰.

Недавно М. Давид-Фокс отметил приход нового поколения американских историков российской науки. Отказавшись и от модернизма Холодной войны, и от социального объективизма, при котором вся научная жизнь изображалась как очередь в пустой магазин и стремление ускорить «вертикальную» динамику, они основное внимание стали уделять субъективным свидетельствам эпохи, прежде всего мемуарам, дневникам и письмам²¹. Тем самым в историю науки стал возвращаться важный аспект духовного мира и переживаний активных участников происходивших событий. Ученых вновь стали воспринимать не как близких носителей научных практик и «пауков социальных сетей», а как субъектов истории науки. Бесспорно, данный подход будет способствовать преодолению крайностей социального конструктивизма, делая более разноцветными и многообразными исторические реконструкции.

Следуя, в целом, принципам нейтральности исторического исследования, с которым я в общем согласен, я старался, избегая, по возможности, морализирования и пафоса, использовать все цвета радуги и их оттенки при реконструкции процессов «советизации» биологии, рассматривая ее наряду с «аризацией» и «нацификацией» биологии в Германии как один из способов симбиоза государства и научного сообщества. Специфика этих процессов выражалась в стремлении государства контролировать всю научную деятельность, чтобы с максимальной

---

²⁰ Сочинения ряда сторонников «объективистской» истории науки так же трудно называть проникновением в прошлое, как исторические романы В. Пикуля «Пером и шпагой», «Битва железных канцлеров» и др., столь популярные в 1970–1980-х гг. В них все государственные деятели Российской империи XVIII–XIX вв. от императоров, царей, канцлеров, полководцев до низших офицерских чинов выглядели удивительно однообразно: пьяницы, воры, скандалисты, развратники и развратницы, хамы, дураки и т. д. Писать же об истории науки, игнорируя суть исследуемых проблем — занятие не только бесполезное, но и бессмысленное: ведь не зная языка ирокезского, об оном ничего сказать нельзя кроме глупостей.

²¹ Давид-Фокс М. Введение. Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 5–48.

эффективностью для себя использовать ее для получения в первую очередь знаний, применимых для развития экономической и военной мощи, для идеологического оправдания своей политики и господства в обществе, для повышения своего международного престижа, представляя то или иное государство как подлинного защитника науки. Понимая, что образование и наука составляют единую систему, от которой впрямую зависит воспроизводство государственных чиновников и интеллигенции, правящая элита в СССР старалась не только поставить все сферы духовного производства под свой контроль, но воспитать особую разновидность ученых, разделявших её мораль, планы и мировоззрение. К тому же стремились, в сущности, и национал-социалисты, однако в силу традиций германской науки и сохранившейся системы ее финансирования из разных источников им сложнее было это сделать.

Со своей стороны, научное сообщество, оказавшееся в условиях, когда только государство предоставляло средства для осуществления грандиозных научных проектов, вынуждено было искать особые формы взаимоотношений с властью и обществом. Достигнуть взаимопонимания оказалось не столь трудно, так как «советизация» протекала в стране, где науку многие ещё воспринимали как некое экзотическое растение, насильственно пересаженное волею Петра Великого из-за рубежа на российскую почву²². Для ее выживания все ещё требовалась поддержка государства, а сами лидеры научного сообщества были убеждены, что без мощного государственного финансирования и создания им особых благоприятных условий её развитие невозможно.

Диалог российских ученых с властями в первое десятилетие после революции вселял немало надежд, так как советское правительство именно в науке видело средство выжить, преодолеть кризис, порожденный мировой и гражданской войнами, и построить светлое будущее. Власть стремилась убедить научное сообщество направить свои усилия прежде всего на достижение общенациональных целей, побуждая ученых вести преимущественно прикладные исследования. Научные результаты пытались получить при минимуме затраченных средств и сил ценой индивидуального напряжения ученых.

Выбранный подход, как кажется, позволяет лучше понять механизмы преобразования отношений науки, государства и общества и мотивы поведения отдельных ученых, их групп и научного сообщества в целом. Ученые, способствовавшие краху царского режима, одними из первых пострадали от революции. Аналогичная история произошла и со сторонниками арийской физики и биологии. Нуждаясь в их поддержке в первые годы гитлеровского режима, власти уже вскоре не захотели считаться не только с их притязаниями на участие в управлении обществом, но даже на свободу творчества. Не желая довольствоваться прежними формами организации научных исследований и их эффективностью, они хотели

---

²² С.И. Романовский в книге ««Притащенная» наука» (СПб., 2004) доказывает даже, что наука так и осталась чуждой российскому менталитету, «притащенной» из-за рубежа и поэтому не нужной ни власти, ни промышленности, ни народу. В какой-то степени с этим можно согласиться, но в каждом случае встает вопрос, о каком правительстве, о какой промышленности и даже о каком народе идет речь. Вряд ли можно отрицать, что за три века существования российской науки эти три главных фактора, определяющих место науки в обществе, менялись в России, мучительно искавшей в течение всего этого времени свою национальную идею. К тому же о «притащенной науке» можно говорить по отношению фактически к любому государству, так как даже в страны Европы она была «притащена» из Древнего мира арабами.

знать, чем арийские варианты физики могут быть полезнее Третьему рейху, чем критикуемая ее сторонниками Ф. Ленардом и Й. Штарком теория относительности. И безжалостно расставались со своими верными союзниками, если их исследования имели меньшее значение для промышленных и военных нужд Германии, чем труды приверженцев релятивистской и квантовой физики²³. В поиске новых форм взаимоотношений науки и государства каждая из сторон старалась с максимальной выгодой для себя использовать неустойчивость ситуации. Государство при этом руководствовалось сиюминутными утилитарными соображениями военно-оборонного, социально-экономического или идеолого-политического порядка, а научное сообщество в целом старалось остаться в русле мировой науки.

Для достижения своих целей ученые старались убедить власти в необходимости финансировать научные проекты, подогревая их утилитаристские настроения. В тех случаях, когда государственный бюджет стал единственным источником финансирования научных исследований, конкуренция внутри научного сообщества за покровительство власть предержащих неизбежно резко обострилась, а лоббирование научных проектов во властных структурах стало необходимым для выживания. Неизбежны были этические и политических компромиссы.

Научное сообщество в целом было готово принимать любую идеологическую риторику и служить власти, требуя от нее взамен финансово-материальные ресурсы и, по возможности, невмешательство в саму науку. Хотя ученые были подвержены идеологическим влияниям, но в своей научной практике они следовали стандартам мировой науки. Даже наиболее идеологизированные области естествознания, например, эволюционная теория, развивались, в целом, в направлении, соответствовавшем мировым тенденциям. В свою очередь, режим вынужден был терпеть идеологическое инакомыслие и идти на уступки тем ученым, которых считал полезными для себя (И.П. Павлов, В.И. Вернадский в СССР), или закрывать глаза на их неарийское или немемецкое происхождение (О.Г. Варбург и Н.В. Тимофеев-Ресовский в Германии)²⁴.

В условиях идейно-политического контроля со стороны государства борьба представителей различных концепций приобретала идеологический и политический оттенок; разрешение внутринаучных конфликтов шло с привлечением властных структур, но навязываемые ими решения научное сообщество в целом не принимало, и мнимая стабилизация оказывалась чреватой новыми кризисами во взаимоотношениях ученых с властью. Поэтому формы организации науки, выработанные в процессах ее «советизации» и «нацификации», в конечном счете, были недолговечными.

Вопросы общественно-политической ориентации, социального статуса, профессиональной деятельности, образа жизни, эмоционально-психологического состояния и менталитета научной интеллигенции особенно важны для изучения действующих сил в процессах идеологизации и политизации науки. В силу своего положения в обществе ученые вынуждены были участвовать в решении актуальных социально-экономических и политических проблем. Научная интеллигенция,

---

²³ Walker M. *Nazi Science. Myth, Truth, and the German Atomic Bomb*. Cambridge (Mass.), 1995. P. 41–63.

²⁴ Бабков В.В., Саканян Е.С. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. М., 2002; Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н.В. Тимофеева-Ресовского / Сост. Я.Г. Рокитянский. М., 2003; Rütting T. *Pavlov und Neue Menschen. Über Disziplinierung in Sowjetrussland*. Oldenburg, 2002.

воспринимая себя как носителя национального разума, способного создать рациональные формы общественной жизни, претендовала на активное участие в управлении государством и выработке стратегических решений. Между двумя полюсами в интеллигенции — олицетворяющими эту власть и противостоящими ей — находились многочисленные группы, различные по политическим симпатиям и нравственным убеждениям, социальным ориентировкам. В поведении научной интеллигенции наиболее ярко выражалось личностное отношение к событиям, поскольку происходившее было прямо связано не только с их материальным положением и социальным статусом, но и с нравственным самосознанием, миром моральных и этических ценностей.

Научная интеллигенция, адаптируясь к тоталитарным режимам, решала, на первый взгляд, трудносовместимые задачи: с одной стороны, стремилась усилить свою профессиональную независимость, а с другой стороны — получить большую финансово-материальную поддержку от властей и обеспечить приток талантливой молодежи в науку. Власть же за предоставляемые ресурсы требовала не только, а иногда и не столько практических результатов, сколько идейно-политической поддержки.

«Советизация» науки в СССР и «нацификация» науки в Германии прошли несколько этапов. Сложившиеся ещё в послереформенной России противоречия между наукой и абсолютистским государством сыграли пагубную роль уже в событиях XX в., когда творческая интеллигенция не только не поддержала царское правительство, но была в первых рядах его противников, добивавшихся свержения режима. Зарождавшаяся в предреволюционное десятилетие плюралистическая система частных и государственных научных учреждений была сметена вихрем гражданской войны в 1918–1921 гг., а во взаимоотношениях науки и власти возник глубокий кризис, который власть пыталась преодолеть, прежде всего, путем жесточайших репрессий, арестами, расстрелами, голодом, обысками, конфискацией имущества и квартир.

Временным выходом из этого кризиса, разразившегося в годы революции и гражданской войны, была сложная система, существовавшая в 1922–1928 гг., когда научные учреждения, как правило, получали множественную поддержку из разных источников. Но вскоре Советский Союз перешел к ускоренной индустриализации и тотальной коллективизации. В итоге и эта система была разрушена в годы «культурной революции» (1929–1933). Вместо нее по решению сверху была создана жестко регулируемая централизованная наука. Ученым пришлось осмысливать и заново формулировать представления о своем месте в национальном строительстве и ответственности государства за развитие науки. Судебными процессами, расстрелами и ссылками ученых приучали к абсолютной лояльности по отношению к властям. Как ни странно, но в этих условиях наука не только выжила, но и укрепила свое положение в государстве и обществе. Правда, за это пришлось заплатить потерей независимости, а как позднее выяснилось, и потерей потенциала своего развития.

В период развернутой подготовки ко Второй мировой войне (1934–1941) наука превратилась в важнейший элемент безопасности государства, что придало ей беспрецедентное политическое значение. Исход войны в немалой степени зависел от отношений между властью и научным сообществом. Уже с 1934 г. Советское правительство начало кампанию по превращению страны в «осажденную крепость», где наука должна была обеспечить военно-технологическое преимущество и тем самым национальную безопасность. Москва была провозглашена «центром мировой науки», а пропаганда достижений российской науки стала одним из

способов возвращения к имперским ценностям, подогревания националистических настроений и воспитания патриотизма. В предвоенные годы наука в СССР стала одним из главных государственных приоритетов. Число научных работников и научных учреждений возросло многократно, потребляя значительную часть национального дохода и ресурсов. Вместе с тем был опущен «железный занавес», фактически прервавший процесс взаимодействия научного сообщества в СССР с мировой наукой. В развязанных властями массовых репрессиях погибло немало ученых, а тотальный контроль над идеологизированной наукой привел к доминированию в некоторых отраслях знания псевдонаучных построений.

Великая Отечественная война (1941–1945) на некоторое время вывела советскую науку из состояния самоизоляции, восстановила научные контакты советских и англо-американских ученых и завершила формирование Большой науки как важнейшего фактора национальной безопасности. Однако в Холодной войне, начавшейся уже в 1946 г. и достигшей апогея в последние годы жизни И.В. Сталина, сотрудничество советских ученых с коллегами из Англии и США прекратилось. Недавние союзники превратились в потенциальных врагов. И в СССР была предпринята грандиозная попытка создания некоей особой «советской» биологии, коренным образом отличавшейся от биологии на Западе. В условиях жесткой конкуренции между западным и восточным блоками сложившаяся до войны в СССР система взаимоотношений науки и государства была укреплена и ужесточена, но степень вмешательства партийно-государственного аппарата предопределялась значимостью той или иной отрасли знаний для укрепления военно-промышленного комплекса. Советская биология была всецело подчинена задаче победы в Холодной войне, что требовало её изолированности от научного сообщества Запада.

Форма организации науки в Советском Союзе в течение долгого времени обеспечивала поддержание паритета в гонке вооружений. Вместе с тем «железный занавес» и идеология «особости» советской науки обусловили постоянное вмешательство партийно-правительственных органов в организацию и функционирование научного сообщества, что привело к доминированию псевдонаучных построений в отдельных областях естествознания, прежде всего в биологии. Именно среди советских ученых зародилось диссидентское движение, и, в конечном счете, они выступили главной социальной опорой лидеров «перестройки», закончившейся распадом СССР и поставившей науку в пределах России и государств СНГ в тяжелейшее финансовое положение, а в конечном счете — на грань выживания.

Иначе процесс идеологизации биологии развивался в Германии. Немецкие ученые уже перед Первой мировой войной заняли сугубо консервативные позиции, активно участвуя в формировании имперского национализма. Профессора не только поддерживали политику правительства, но и способствовали ее «научному» обоснованию, доказывая необходимость передела мира и цивилизаторскую роль Германии на Востоке. Во время Первой мировой войны большинство биологов заняло ультрапатриотические позиции, призывая сограждан сплотиться для отражения угрозы варваров с востока. Поражение Германии и Ноябрьскую революцию 1918 г. они восприняли как трагедию. И на протяжении всей Веймарской республики враждебно относились к демократическому строю, грезя по утраченному могуществу. Уже в 1920-х годах многие из них встали под знамена национал-социализма. Гитлер оценил их готовность к сотрудничеству и предоставил

в их распоряжение огромные финансовые и материальные ресурсы, что еще сильнее связало их с нацистским правительством.

В отличие от СССР, в Германии репрессии против ученых носили довольно четко очерченный вектор. Из университетов изгоняли и отправляли в концлагеря либо «красово неполноценных» ученых, либо открытых политических противников. При этом истинные арийцы отнюдь не возражали против того, чтобы в результате им доставались освобождавшиеся места в университетах и научных институтах, и, как правило, не предпринимали никаких действий в защиту своих коллег. В годы Второй мировой войны они активно участвовали в разграблении захваченных территорий, в вывозе научного оборудования и специалистов в Германию. Многие из них в качестве экспертов содействовали массовым расстрелам евреев, цыган и представителей других народов, подлежащих истреблению по биологическим соображениям. С крахом гитлеризма все они стали изображать себя жертвами нацизма и, сохранив ведущие позиции в биологическом сообществе, в течение нескольких десятилетий способствовали сохранению мифа о страданиях немецких биологов при нацистах и своей оппозиционности режиму²⁵. Особенно сильно этот миф культивировался в ГДР. В то же время ГДР оказалась одной из немногих стран социалистического блока, которой удалось воспрепятствовать усиленному насаждению мичуринской биологии и сохранить мировой уровень исследований в генетике и эволюционной теории.

В последние десятилетия произошли колоссальные изменения в стратегии исследований как национал-социалистической, так и советской биологии. Возникли новые подходы к изучению такого специфического феномена, как мощная наука в условиях тоталитарного режима. Оказалось, что «за железным занавесом» кровавых режимов наука не только не погибла, но смогла достигнуть блестящих успехов. Для существенного прорыва в организации исследований полезно было бы, опираясь на средства современной информации, прежде всего Интернет, организовать коллективную базу данных, и не отдельных документов, а всего массива архивных документов по истории советской и немецкой науки и техники, с привлечением для работы с ними максимального количества ученых из разных стран. При всей утопичности подобного проекта только так можно будет преодолеть субъективизм в истории науки. В изучении науки тоталитарных стран особое значение имеет «устная история», которая, как показали исследования последнего десятилетия²⁶, иногда была более надежным источником информации, чем документы, большинство из которых изначально было фальсифицировано.

---

²⁵ В этом отношении показательны судьбы директоров и ведущих сотрудников главного академического учреждения по расовой биологии в Третьем рейхе — Института антропологии, генетики человека и евгеники КВГ. В ФРГ расовые гигиенисты О.Ф. фон Фершюер, Ф. Ленц, Г. Нахтсхайм и др., расовые антропологи В. Гизелер, Г. Вайнерт, Г. Геберер, а также их ученики и последователи занимали кафедры генетики человека и антропологии в ведущих университетах, возглавляли основные журналы и научные сообщества. См. подробнее: *Kröner H.-P. Das Kaiser-Wilhelm-Institut für Anthropologie, menschliche Erblehre und Eugenik und die Humangenetik in der Bundesrepublik Deutschland // Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Nationalsozialismus. Bestandsaufnahme und Perspektiven der Forschung / Hg. D. Kaufmann. Göttingen, 2000. Bd. 1. S. 653–666.*

²⁶ Репрессированная наука. СПб., 1991–1994. Вып. 1–2; *Sagdeev R. The Making of a Soviet Scientist. New York, 1994.*

Реальный ход отечественной истории может быть реконструирован лишь на базе огромного архивного и литературного материала, дополненного ресурсами коллективной памяти научного сообщества о событиях, нигде не зафиксированных, но оказавших огромное влияние на судьбы целых отраслей знаний, в также о действовавших в прошлом чиновниках и ученых, о их поведении и взглядах. Необходимо помнить, что в те годы люди думали одно, говорили другое, писали третье. И действовали они чаще всего не в соответствии со своими убеждениями, а как требовали обстоятельства²⁷.

Комплексная организация исследований могла бы стать гарантом того, чтобы на смену одним мифам об отечественной и немецкой истории науки не приходили новые. Тем самым удастся обеспечить поступательное движение по воссозданию реальной картины «советизации» и «нацификации» науки, позволяющие выйти за рамки палитры трех цветов: черного, белого, серого.

В предыдущих публикациях я старался показать, что появление Т.Д. Лысенко и его сторонников в высших эшелонах науки было закономерным итогом многочисленных попыток в 1920-х — начале 1930-х гг. создать некую «пролетарскую» или «диалектическую» биологию²⁸. В те годы не только, и даже не столько, политическое руководство, сколько сами ученые были инициаторами идеологизации и диалектизации естествознания. Начинаящие диалектизаторы биологии, среди которых впоследствии оказалось немало жертв сталинских репрессий, активно способствовали созданию первых научных марксистских организаций, печатались в идеологических журналах, активно участвовали в многочисленных дискуссиях о соотношении марксизма и различных естественнонаучных концепций. Важной предпосылкой для появления лысенкоистского варианта «советской биологии» была деятельность в годы «культурной революции» (1928–1932 гг.) марксистских организаций в Ленинграде, которые возглавлял И.И. Презент, ставший затем правой рукой Т.Д. Лысенко и его главным идеологом. Деятельность этих организаций позволяет лучше понять констелляцию институциональных, социально-культурных,

---

²⁷ Яркий пример приспособляемости к социально-политической и идеологической среде демонстрировал «дедушка расовой гигиены» Ф. Ленц, один из трех соавторов всемирно известной книги «Основы генетики человека и расовой гигиены» (*Baur E., Fischer E., Lenz F. Grundriss der menschlichen Erblichkeitslehre und Rassenhygiene. München, 1921. Bd. 1–2*), признаваемой около четверти века стандартом в этой области знаний и неоднократно переизданной в Германии и за рубежом. В ее первом издании Ленц защищал евреев от упреков в мнимом тлетворном влиянии на общество и даже провозглашал: «Еврейский дух вместе с германским духом — главные движущие силы современной западноевропейской культуре». В третьем издании 1931 г., вышедшем за два года до прихода Гитлера к власти, он продолжал сожалеть по поводу существования антисемитизма и писал: «Антисемитизм национал-социалистов, естественно, достоин сожаления. Следует сожалеть, что политическим массам требуется подобное чувство». Диаметрально другие оценки антисемитизму Ленц дал в четвертом издании 1936 г., когда в Германии окончательно установилась национал-социалистическая диктатура. Теперь он резко изменил свои прежние взгляды на противоположные и предупредил о тяжелом ущербе, который евреи могут нанести народному хозяйству. Его буквальное слово: «организм лучше развивается без паразитов». Цит. по: *Richter H.-E. Medizin und Gewissen // Medizin und Gewissen. 50 Jahre nach dem Nürnberger Ärzteprozess — Kongressdokumentation / Hg. S. Kolb, H. Seithe. Frankfurt am Main, 1998. S. 16–17.*

²⁸ *Колчинский Э.И.* В поисках советского «союза» философии и биологии. СПб., 1999; Наука за «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. СПб., 2001.

политико-идеологических факторов, действовавших в СССР 1922–1932 гг. и сыгравших важную роль в появлении лысенкоизма. В этих организациях и выпускаемых ими журналах отражалась борьба внутри биологического сообщества, реакция различных групп ученых на попытку насильственной диалектизации и пролетаризации биологии, воздействие этих попыток на тематику и язык биологических исследований, на ритуал научных мероприятий (конференций, съездов, обществ), на идеи, ценности, традиции научного сообщества, на его взаимоотношения с властями, на стиль поведения ученых с властью преобладающими. Особенно интересны оказались следующие вопросы. Насколько эффективна была деятельность Презента и его окружения в годы культурной революции? Какова социальная динамика этой группы? И что заставило его искать союз с Лысенко и ему подобными?

Сходные вопросы возникают при исследовании развития биологии в Германии, где, правда, не было общепризнанных лидеров национального масштаба, как в СССР. Вместе с тем процессы «нацификации» биологии охватили там гораздо более широкие круги биологического сообщества, поставив под сомнение возможность говорить об этике и ценностях научных исследований во многих ее отраслях.

Некоторые методологические основания исследования

Банальное изречение, что старые идеи не умирают, а исчезают из обихода науки вместе со своими сторонниками, поколеблено опытом развития науки XX века, когда на протяжении своей научной карьеры ученый вынужден был не раз приспособливаться к новым фундаментальным открытиям в естествознании. Лишь в архиве науки сохранились гипотезы, которые сошли со сцены, растеряв своих приверженцев.

Обычно это концепции не очень высокого теоретического уровня, не касающиеся мировоззренческих и методологических проблем естествознания. Дискуссии же по фундаментальным вопросам длятся иногда многие столетия и даже тысячелетия. Очень часто участникам дискуссии кажется, что она уже закончена и одному из конкурирующих направлений обеспечена окончательная победа. Но уже, как казалось, повергнутая концепция возрождается во всем блеске новых теоретических аргументов и фактов.

К числу подобных относится ряд биологических проблем, использованных не раз в XX веке политиками разных стран для воплощения социальных утопий коммунизма и расизма, что обернулось гибелью десятков миллионов людей разных национальностей на разных континентах. От имени науки были предприняты попытки реализовать на практике концепции: преобразования природы и подчинения ее всецело целям человека; достижения расовой чистоты за счет уничтожения межрасовых гибридов и подбора партнеров для репродукции; предотвращения физической и психической дегенерации человека; улучшения его природы путем различных способов социальной и биологической селекции; ликвидация преступности путем сугубо биологической селекции или, напротив, исключительно социальными мерами и т. д. Авторы подобных концепций порою вполне полагали, как это по крайней мере за 2 500 тысяч лет тому назад думали и Сократ, и Платон, предтечи современного

фашизма и коммунизма²⁹, что наука уже в состоянии дать рекомендации по практическому решению многих проблем, которые на самом деле относятся к числу вечных, и их историю нельзя понять вне рамок концепции тематического анализа науки Дж. Холтона³⁰.

Хотя диапазон решения ряда фундаментальных проблем в целом предопределен совокупностью социальных и политических интересов и ценностей, выбор одного из них зависит от индивидуальной мотивации. Творческое воображение ученого в моменты выбора макрометодологии своего исследования детерминировано его личной, как правило, неявной даже для него самого приверженностью к определенным темам, число которых невелико и которые объединены в некие устойчивые структуры, состоящие из противостоящих друг другу элементов типа: атомизм — непрерывность, простота — сложность, анализ — синтез, селекция или прямое приспособление, жесткая или статистическая детерминация, неизменность — эволюция — катастрофизм, и т. д. Холтон предложил называть их диадами или триплетами.

Эти структуры воспроизводятся практически на протяжении всей интеллектуальной истории человечества и сохраняют своих сторонников даже в период научных революций или смен парадигм по Т. Куну³¹. Господствующая парадигма и социально-культурные факторы оказывают влияние лишь на количественное соотношение приверженцев той или иной темы, ядро которых в каждой группе составляют люди, чьи убеждения не могут поколебать никакие когнитивные или идеолого-политические аргументы. В зависимости от уровня развития науки, ее последних открытий и их интерпретации, социально-культурного контекста и моды большая часть научного сообщества примыкает к одной из альтернативных точек зрения. Вопреки банальному изречению, в дискуссиях по этим темам истина и не рождается, и не умирает. В лучшем случае каждый остается при своем мнении.

Дискуссии вокруг арийской физики в нацистской Германии и пролетарской биологии в СССР, а также борьба различных школ и направлений в эволюционной теории, физиологии, генетике, математике, химии, показали, что в тоталитарных государствах оппонентов стараются поставить на путь истины при помощи партийно-правительственных органов и репрессивного аппарата. Но никакие идеологические проработки и репрессии не смогли искоренить в СССР сторонников номогенеза, механоламаркизма, неокатастрофизма или СТЭ, приверженцев евгеники и расологии, защитников окружающей среды и т. д.

Приверженность ученого к подобным всеобъемлющим темам определяется неким психологически обусловленным выбором, который, в конечном счете, служит главным источником его творческой энергии, побуждающей к созданию нового знания или отстаиванию своей позиции даже в тех случаях, когда ее не разделяет большинство ученых. Выбор темы зачастую мало зависит от когнитивной научной деятельности. Его нередко детерминируют события, происходившие еще в детстве, задолго до профессионализации ученого. В основе когнитивной деятельности лежит некое неявное знание, которое невозможно ни доказать, ни поколебать

²⁹ *Попнер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1–2; *Томилев В.Г.* Коммунизм как искушение властью. Томск, 2005.

³⁰ *Холтон Дж.* Тематический анализ науки. М., 1981; *Holton G.* The Scientific Imagination. Cambridge (Mass.), 1998.

³¹ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.

какими-либо рационалистическими или эмпирическими приемами³². Иногда его нельзя даже облечь в вербальную форму и передать другому, что обуславливает ожесточенность дискуссий и затрудняет поиск консенсуса в науке по этим проблемам. Тематическая привязанность вносит существенные поправки в чисто инструменталистские или утилитарные установки науки.

Наряду с другими социолого-психологическими, политическими и практическими мотивами, оказывающими значительное влияние на ход развития науки в целом и эволюционно-биологических дискуссий в частности, личное убеждение включено в текст научных исследований, наполняя ученого чувством глубокого удовлетворения в связи с постижением неких глубинных сфер бытия. Ученый в принципе не может отказаться от своего выбора, а способен лишь имитировать под влиянием социально-культурного контекста согласие с трактовкой, расходящейся с его личным мнением, демонстрируя своего рода научную мимирию. Набор этих тем ограничен, так как наши когнитивные способности оставляют нам мало вариантов допустимых событий в реальности. В результате каждая из них переживает периоды подъема и упадка, заброшенности и возвращения, искоренения из господствующих парадигм и нового возрождения. При этом даже смена эпистем по М. Фуко не оказывала существенного влияния на структуру тематических диад и триплетов. Устойчивость тематических структур на протяжении всей интеллектуальной истории позволяет историкам науки избежать, казалось бы, неразрешимого противоречия антикваризма-презентизма. Объединяя внешне несоизмеримые и конфликтующие друг с другом теории, они дают возможность в концепциях разных эпох, цивилизаций и школ выявлять черты постоянства, обеспечивая тем самым диалог ученых прежних эпох с современными исследователями.

Самые последовательные поклонники релятивизма В. Куйана или эпистемологического анархизма П. Фейерабенда³³ вынуждены признать существование в науке этих надисторических и не связанных культурными рамками концептуальных подходов к объяснению познаваемого объекта. Эти концептуальные подходы в значительной степени предопределили историю формирования традиций и школ в эволюционной теории, генетике, евгенике, антропологии и экологии, оказали влияние на дискуссии о границах применения на практике биологических знаний, в ходе которых научные оппоненты не слышали и не желают слышать аргументы друг друга. Это дает возможность политике по своему вкусу выбирать то или иное решение, опираясь в любом случае на авторитет науки.

Однако только индивидуальными пристрастиями ученых трудно объяснить периодическое оживление тех или иных концепций, становящихся иногда модными и излюбленными сюжетами не только научных сообществ, но и широкой публики. Их модность в значительной степени объясняется господствующим в научном сообществе менталитетом. Так, например, вначале естественнонаучные концепции эволюции: номогенез Л.С. Берга и филогенетический преформизм А.А. Любищева, предложенные в начале 1920-х гг. в СССР, были атакованы с разных сторон, прежде всего по биологическим, а затем уже по идеолого-политическим соображениям. Как новую вылазку антидарвинизма их оценивали биологи старшего поколения

³² Полани М. Личностное знание. М., 1986; Jha S. On the duties of intellectuals to truth: The life and works chemist-philosopher Michael Polany // Sci. Context. 1998. Vol. 11. P. 89–141; Swartz L. Michael Polany and sociology of a free society // Amer. Sociol. 1998. Vol. 29. № 1. P. 59–70.

³³ Фейерабэнд П.К. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.